

А. И. Минаев
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. О БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ

В правление Александра I впервые делаются попытки соединить теорию парламентаризма с российской государственной практикой. В силу традиционности отечественной самодержавно-абсолютистской политической культуры, большая часть планируемых нововведений так и не была реализована. Однако внимание к зарубежному опыту, и в первую очередь британскому парламентаризму, безусловно, возрастало и приобретало до некоторой степени практическую направленность.

Разрабатывая свой проект государственных преобразований в России, к британскому опыту неоднократно обращался М. М. Сперанский. «...Таким образом, - писал он, анализируя историю государственно-правовых форм стран Европы, - приуготовился ...переход от феодального правления к республиканскому...

Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция» [10, с. 96].

Как известно основополагающим принципом эффективного функционирования государства М. М. Сперанский полагал разделение властей. Опыт Великобритании и в этом вопросе был для него чрезвычайно важен. «Если бы Англия, - писал он, - не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами» [11, с. 230].

Рубеж XVIII – XIX вв. стал временем утверждения приоритета кабинета в верхнем эшелоне власти в Великобритании. Эту особенность подчеркивал, в частности, русский посол в Лондоне граф П. А. Строганов. В одном из своих донесений он писал: «Что же касается господина Питта, то его здоровье значительно ухудшилось, так что ему будет невозможно исполнять все свои обязанности с прежней деятельностью; вот почему в последние месяцы произошел застой в делах, очень убыточный для общественного блага» [8, с. 156].

В правление Александра I вопросы государственно-правовой модернизации России стали весьма актуальны. «Отживающий феодально-крепостнический мир с его патримониальным правом, покорностью богу, царю и помещику, - подчеркивала Н. В. Минаева, - вступал во все большее противоречие с нарождающимися буржуазными элементами в духовной жизни, с такими понятиями буржуазного права, как представительное правление, политическая свобода, незыблемость закона, общественное мнение, буржуазная частная собственность» [4, с. 32]. Стране была необходимая эффективная, соответствующая стандартам передовых европейских

стран, система управления, которая смогла бы функционировать в условиях кризиса феодально-крепостнических отношений.

Как было сказано выше, М. М. Сперанский в своих теоретических построениях самое пристальное внимание уделил британскому парламентаризму и механизму его функционирования. Явные параллели просматриваются в его представлениях об организации законодательной власти и ее взаимодействии с исполнительной. В предложенном им плане преобразований Государственная дума представлялась в виде учреждения, имеющего общие черты с европейскими парламентами. Исполнительная власть была представлена в проекте министерствами, губернскими и окружными учреждениями. Особое место отводилось Государственному совету. Он должен был, по мысли Сперанского, обеспечить взаимодействие императора с учреждениями, представлявшими все ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную. Члены Государственного совета назначались императором. Как отмечает С. В. Мироненко, совет «...становился, таким образом, своеобразной палатой лордов, где происходит первоначальное обсуждение важнейших государственных дел» [5, с. 32].

В определенной степени ошибкой М. М. Сперанского, по нашему мнению, являлось узкое понимание парламентаризма, под которым, по большому счету, он понимал лишь представительство, встроенное в государственную систему, покоящуюся на разделении властей. «Реализация плана Сперанского, - отмечает А. Б. Каменский, - должна была превратить Россию в конституционную монархию, где власть, по существу, была бы ограничена двухпалатным законодательным органом парламентского типа, состоящим из Государственной думы и Государственного совета. Некоторые историки считают возможным говорить о переходе в результате осуществления этого плана к «буржуазной монархии». Однако, даже если и пользоваться этим не слишком проясненным понятием, очевидно, что при сохранении сословной организации общества и, тем более, крепостного права, подобное было невозможно» [7, с. 145].

Настроение той части дворянства, которая выступала против реформ, нашло отражение в составленной в 1810 – 1811 гг. Н. М. Карамзиным записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Обосновывая необходимость сохранения старых порядков, Н. М. Карамзин коснулся и Великобритании. «Как живописцы, - писал он, - изображают монарха? Воином и с мечом в руке, не пастушком и не с цветами. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели Судию в Монархе и добрую волю его признавали высшим Уставом» [2, с. 102].

По мнению А. Н. Медушевского, «... вершиной попыток правительственного конституционализма первой четверти XIX в., а в известном смысле и всех вообще попыток такой политической реформы до начала XX в. ...» [3, с. 317] стала Государственная Уставная грамота Российской империи. Составители проекта Н. Н. Новосильцев и П. А. Вяземский, по мнению Е. А. Скрипилева [9, с. 102], наряду с другими источниками в своей работе использовали переведенный И. Татищевым в 1806 г. на русский язык трактат об английской конституции теоретика конституционного права женева Г. Де-Лолма [1]. При создании важнейшего

документа отечественного правительственного конституционализма первой четверти XIX в. мы вновь видим «британский след». «Принцип защиты свободы личности, - подчеркивала Н. В. Минаева, - заимствован авторами Грамоты из классического английского правового свода «Habeas corpus act» – основы буржуазного законодательства, принятого в Англии в 1660-х гг. при Карле II Стюарте. ...Включение в Уставную грамоту статей, защищающих свободу личности и гарантирующих права гражданства, отражало стремление к установлению в России буржуазного правопорядка» [4, с. 38].

О. А. Омельченко подчеркивает, что в начале XIX в. стране сложилась весьма благоприятная социально-политическая ситуация для преобразований. «Отличительной чертой начального этапа реформаторской деятельности Александра I, - пишет он, - следует считать наличие определенного *консенсуса*, который в первые годы правления нового императора установился между *властью, передовым обществом и просвещенной бюрократией*. На почве осознания необходимости перемен в характере политического строя и методах управления государством, что во многом обеспечило относительный успех начатых преобразований. Нарушение этого консенсуса (восстание декабристов 1825 г.) стало исторической трагедией России: отсюда берет начало глубокий раскол между обществом и государством, способствовавший отчуждению общества от власти и в конечном счете предопределивший крушение российской государственности в 1917 г.» [6, с. 228].

Однако достигнутый консенсус не был использован властью. Под конституцией Александр I видимо понимал современную и эффективную систему управления, опиравшуюся на развитую законодательную базу. Авторы же многочисленных конституционных проектов, используя, в том числе и британский опыт, шли дальше и конструировали такие схемы государственной власти, которые всякий раз предполагали ограничение абсолютной монархии, к чему последняя была явно не готова.

1. Де-Лолм Г. Конституция Англии, или состояние английского правления, сравненного с республиканскою формою и другими европейскими монархиями. М.: Университет. тип., 1806. Т. 1.
2. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
3. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.
4. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм в России после 1813 г. // ВИ. 1981. № 7. С. 32-41.
5. МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. (Отв. ред. Дмитриев С. С.; АН СССР, Ин-т истории СССР.) М.: Наука, 1989. 239 с.
6. Омельченко О. А. История государственного управления в России. М.: Проспект, 2008.
7. Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л. К. Слиски. М.: РОССПЭН, 2004.
8. Романов Н. М. Граф Павел Александрович Строганов (1774 – 1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. 2-е изд. СПб: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. Т. 1. XIII.
9. Скрипилов Е. А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (Из истории правительственного конституционализма) // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 100-108.
10. Коваленко В.И. Михаил Михайлович Сперанский // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1999. № 6. С. 92-102.
11. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб: Наука, 2002.